

жает с эллинистической агрономической наукой. Наконец, подтверждение своей мысли Кинаст видит и в дружбе Катона с Полибием.

Наблюдения Кинаста о влиянии эллинистических принципов образования и воспитания на наставления Катона своему сыну представляются нам интересными. Безусловно правильным является, на наш взгляд, и то, что Катон использовал достижения современной ему, в том числе и эллинистической, сельскохозяйственной науки. Однако значительно преувеличенными выглядят в концепции Кинаста отношения Катона с Полибием, что справедливо было отмечено Эргоном⁶. Нам кажется, что аргументация Кинаста не дает оснований к тому, чтобы говорить о грекофильстве или хотя бы даже о спокойном отношении Катона к распространению и влиянию греческой культуры на Рим. Его идеалом было «*mos maiorum*». Проникновение греческой философии и греческих обычаев и нравов в римскую жизнь он находил пагубным, растлевающим и активно боролся против этого.

Книга Дитмара Кинаста представляется нам интересной в первую очередь не по тщательному изучению биографии Катона, а в связи с попытками объяснить его деятельность, исходя из социально-экономических условий современной ему эпохи. Многие наблюдения Кинаста весьма интересны и основательны. Нельзя, как мы уже отмечали выше, не согласиться, например, с тем, что Катон происходил из очень обеспеченной семьи и что его богатство оказалось важнейшей предпосылкой для его успешной карьеры. Правильным является и заключение о том, что Катон был представителем и выразителем интересов римского нобилитета.

Заслуживает внимания стремление Кинаста оценить значение Катона Старшего для своего времени. Автор книги видит в Катоне крупную личность не только в силу его дарований, но и потому, что он вернее и раньше других понял потребности своего времени (стр. 135). Однако вызывает сомнение сам вывод. Кинаст безусловно переоценивает Катона. Все направление политики Цензория было консервативным. Рим неуклонно развивался в сторону рабовладельческой империи, и политические формы, в пользу которых ратовал Катон, становились с течением времени на этом пути все большей помехой.

И. Маяк

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Эгейское племенное наименование в раннединастических древнеегипетских текстах. — К начальной хронологии хеттов. — К происхождению касситов. — Родина филистимлян. — Новые фасосские надписи. — Диофант из Сфетта (новые просопографические данные). — Дата опубликования «Записок о галльской войне» Юлия Цезаря. — Северочерноморское женское божество в Риме. — По поводу находки фрагментов скульптурной группы Лаокоона

ЭГЕЙСКОЕ ПЛЕМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ В РАННЕДИНАСТИЧЕСКИХ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ТЕКСТАХ

Тридцать лет тому назад Эйслер¹ высказал предположение о том, что в древнеегипетском H²w-nbw¹ звучит имя эллинов. Основанием для этого предположения послужило то обстоятельство, что египтяне прилагали это наименование к грекам в поздних надписях, начиная с саисской эпохи.

⁶ «Revue des Études Latines», т. 32, 1955, стр. 357—359.

¹ P. E i s l e r, «Caucasica», 5 (1928), стр. 73.

П. Монте в ряде статей² показал, что первая часть этого имени, пероглифически изображаемая в виде заросли папируса, должна звучать *hlw* или *helu*, вторая же часть имени, по его мнению, означает корабль и должна быть сопоставлена с греческим *ναῦς* (*ναύτης*). Древнейшие упоминания этого имени, встречающиеся в эпоху IV и V династий в Текстах пирамид (629 В и др.), возможно, являются отражением значительно более древней традиции³.

Ж. Веркуттер, посвятивший выяснению значения имени *H3w-nbwt* обширное исследование⁴, допускает его существование уже в додинастическую эпоху. Однако он категорически возражает против сопоставления этого имени с именем *Ἕλληνες*⁵, в первую очередь потому, что критяне и другие эгейские жители, с которыми могли иметь дело древние египтяне в III — II тысячелетиях до н. э., по его мнению, не были греками и не могли носить имени эллинов. Надо сказать, что против этого утверждения, совершенно неправомерного после того, как критомикенские надписи прочтены именно на греческом языке, П. Монте не выдвигает никаких возражений, даже в самой последней своей работе, опубликованной в 1956 г., т. е. уже после дешифровки линейного письма В.

Между тем, факт бытования греческого языка на о. Крите и на берегах Эгейского моря, во всяком случае на рубеже III — II тысячелетий до н. э., более всего оправдывает возможность сопоставления имени *H3w-nbwt* с *Ἕλληνες* и *ναῦς*. Это же обстоятельство позволяет предполагать существование в тот же период племенного наименования «Ἕλλοι (или Σέλλοι)» в южной части Эгеады, тогда как обычно распространение его к югу Эгейского бассейна связывалось с переселением дорийцев⁶.

Возможность проникновения этого имени в Египет в столь раннее время устанавливается рядом памятников материальной культуры, подтверждающих наличие связей между Египтом и Критом, начиная с раннединастического времени, а позднее также и с другими островами Эгейского моря и с материковой Грецией. Как известно, наличие египетских и египтизирующих предметов раннединастических типов на о. Крите позволило в свое время Уосу⁷ утверждать, что Крит был колонизован из Египта, а рост количества критских вещей, преимущественно керамики, в Египте, начиная с эпохи XII династии, заставил Э. Мейера⁸ и других ученых говорить о наличии политического союза между Египтом и Критом в эпоху Нового царства.

Если подобные утверждения не имеют под собою достаточно прочных оснований, то о тесных связях между Египтом и эгейским миром свидетельствует значительная изобразительная традиция, частота упоминаний и множественность имен, под которыми критяне и другие обитатели берегов Эгейского моря фигурировали в египетских документах.

Из этих имен в первую очередь должно быть названо имя Кефтиу⁹, в особенности в предполагаемой более древней форме *Keftiu* (сопоставляемое с библейским Кафтор)

² P. M o n t e t, *Le nom des grecs en ancien égyptien et l'antiquité des grecs en Egypte*, RA, XXVIII (1947), 2, стр. 129 сл.; он же, *Nouvelles études sur les Helou-Nebout et sur leur activité*, RA, XXXIV (1949), 2, стр. 129 сл.; он же, *Nouvelles études sur les Helou-Nebout*, RA, XLVIII (1956), 2, стр. 1 сл.

³ A. U. G a r d i n e r, *Ancient Egyptian Onomastica*, I, 1947, стр. 206 сл.

⁴ J. V e r c o u t t e r, *Les Haou-Nebout*, «Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale», XLVI (1947), стр. 125 сл.; XLVIII (1949), стр. 107 сл.

⁵ См. J. V e r c o u t t e r, *Essai sur les relations entre Egyptiens et Préhellènes*, P., 1954, стр. 37 сл.

⁶ U. W i l a m o w i t z-M ö l l e n d o r f, *Euripides Herakles*, I, 1895, стр. 1, прим. 1. Ср. M. V e n t r i s and J. C h a d w i c k, *Documents in Mycenaean Greek*, 1956, Index: *Ekhelawokos* и др. имена.

⁷ A. J. B. W a c e, *CAH*, I, 1928, стр. 591.

⁸ E. M e y e r, *Geschichte des Altertums*, II, 1, 1928, стр. 54 сл.

⁹ См. V e r c o u t t e r, *Essai*, стр. 64 и 68 сл.

и Менус (Mnws) в известном «Рассказе египтянина Синухета», в котором не без основания усматривают отголосок критского имени Минос¹⁰, тем более что изображенный в одной из могил фиванского некрополя персонаж, символизирующий это имя, имеет ярко выраженные эгейские черты¹¹.

Имя Кефтиу, которое в известном смысле является параллелью к имени Гелу-небут, по мнению Веркуттера¹², также было известно уже в Египте эпохи Древнего царства. Поскольку это имя, подобно имени Гелу-небут, отличается известной неопределенностью локализации, в ряде новейших исследований были произведены попытки его более точного географического ограничения. Фурумарк¹³ и Уайнрайт¹⁴ отстаивали азиатскую локализацию Кефтиу, ссылаясь на египетские тексты, помещающие Кефтиу к северо-востоку от Дельты, на азиатский (а иногда даже на африканский) облик представителей страны Кефтиу на ряде египетских изображений (в могилах Сенмута, Аменусера, Рехмира, Менхеперасеннеба и Пуемрх фиванского некрополя), а также на то, что библейский Кафтор — это скорее всего часть малоазиатского побережья и во всяком случае не о. Крит. Сколь все это ни убедительно, не менее существенно, однако, и то, что в некоторых текстах Кефтиу несомненно локализуется среди моря к северо-западу от Египта, т. е. скорее всего именно на о. Крите¹⁵.

Что же касается данных, говорящих в пользу его азиатской локализации, то они объясняются наличием значительных эгейских элементов на южном и юго-восточном побережье Малой Азии и в Северной Сирии (в Карию—Милет, в Тарсе, Мерсине, Рас-Шамре), археологическая документация которых увеличивается с каждым годом. Одновременно эти же археологические находки являются материалом, документирующим и Гелу-небут, если признать, что этим именем египтяне называли эгейских мореплавателей. Что касается изображений на стенах могил фиванского некрополя, связанных с именем Гелу-небут (так же как и с именем Кефтиу), то в сценах приношения дани, подарков и т. п. могли фигурировать не сами носители этих имен, а приведенные ими в Египет рабы. Не следует, разумеется, полагаться и на абсолютную этнографическую точность египетских художников: во всяком случае, археологические наблюдения показывают, что изображения погребальных камер следовали старой и достаточно условной традиции.

Одно из возражений против сопоставления имени Гелу-небут с именем Ἐλλήνες основывается именно на том, что с первым из этих имен связаны изображения азиатско-семитического типа¹⁶. Это не должно нас удивлять в свете только что сказанного. Имя Гелу-небут, помимо того, что оно является одним из древнейших письменных свидетельств египетско-эгейских связей, представляется, кроме того, древнейшим отголоском имени эллинов на востоке.

К НАЧАЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ХЕТТОВ

Основываясь на недавней публикации Л. Вулли¹⁷ археологических материалов из раскопок древнего Алалаха, В. Ф. Олбрайт, известный своими работами по пере-

¹⁰ Там же, стр. 64; W. F. Albright, *Vocalization of the Egyptian syllabic Orthography*, New Haven, 1934, стр. 9—10 (§ 16).

¹¹ Vercoutter, *Essai...*, стр. 86, рис. 13.

¹² Там же, стр. 64.

¹³ A. Furumark, *The Settlement at Ialysos and Aegean History c. 1550—1400 B. C.*, «*Opuscula archaeologica*», VI (1950), стр. 150 сл.

¹⁴ G. A. Wainwright, *Keftiu and Karamania (Asia Minor)*, *AST*, IV (1954), стр. 33 сл.

¹⁵ Vercoutter, *Essai...*, стр. 63 сл.

¹⁶ Там же, стр. 43, рис. 2.

¹⁷ L. Woolley, *Alalakh: An Account of the Excavations at Tell Atchana in the Hatay, 1937—1949*, L., 1955.

смотру древней хронологии Ближнего Востока¹⁸, находит в данных этих раскопок новое подтверждение правильности установленной им в свое время (а позднее было оставленной) «краткой» хронологии I вавилонской династии, соответственно которой царствование Хаммурапи падает на 1728—1686 гг. до н. э.¹⁹

Исходя из результатов исследований Ландсбергером²⁰ последовательности, хронологии и синхронизмов династий Халаба и Алалаха, Олбрайт относит царствование царя Амитакуммы в Алалахе ко времени около 1600 г. до н. э. В этой связи особый интерес приобретает предложенная Ландсбергером идентификация Зукраши, военачальника древнего Халаба времени Амитакуммы (Alalah Tablet № 6) и Зукраши, упомянутого в хеттском историческом произведении, недавно опубликованном Оттен²¹. Из отождествления Ландсбергера следует, что осада города Урсу, повествование о которой содержится в этом произведении, имела место в средние десятилетия XVII в. до н. э. и что царь Тухалия, упомянутый в связи с этим рассказом, царствовал задолго до Лабарны — основателя древнехеттского царства. Это последнее событие датируется Олбрайтом временем около 1600 г. до н. э.²²

С другой стороны, Анигта, царь Кушшара, о котором в упомянутом выше хеттском историческом тексте из Богазкёя рассказывается, как о завоевателе этого города (древнего Хаттушаша), должен быть отнесен, по Олбрайту, приблизительно к 1730 г. до н. э., поскольку Анигта, на основании ряда сопоставлений клинописных данных из Канеша и Богазкёя, является современником царя Ассирии Шамши-Адада.

Построение Олбрайта представляется совершенно логичным, и его последовательность не противоречит хеттской династической шкале, установленной на основании данных «длинной» хронологии Делапортом²³. Соответственно этой длинной хронологии, Анигта, царствование которого Делапорт относит ко времени около 2000 г. до н. э., также является современником Хаммурапи (а следовательно, и Шамши-Адада).

Древнейшая хронология хеттов по Олбрайту хотя и не затрагивает позднейших дат хеттской истории, основанных на сирийских и египетских синхронизмах, значительно сокращает, однако, период истории древнехеттского царства от Мурсиля I до Суппилулиумы, на который приходится всего около 150 лет (1530—1380 гг. до н. э.). Узловым пунктом хронологии этого периода является год взятия Мурсилом I Вавилона, совпадающий с датой конца I Вавилонской династии и приходящийся по наиболее краткой хронологии Олбрайта — Корнелиуса на 1530 г. до н. э.

Наиболее активным противником ультракраткой хронологии древнего Востока и, в частности, изложенных выше выводов Олбрайта относительно хронологии хеттов, является А. Гетце²⁴, основывающий свои возражения на том, что список хеттских

¹⁸ См. ВДИ, 1946, № 4, стр. 26 сл.

¹⁹ W. F. A l b r i g h t, Stratigraphic contribution of the low Mesopotamian Chronology, BASOR, 1956, № 144, стр. 26 сл. В частности, это подтверждается для Олбрайта установлением синхронизма между царствованиями Хаммурапи, царя Вавилона, и его тезки, царя Халаба (Алеппо), которого он относит ко времени около 1700 г. до н. э. К выводам Олбрайта присоединяется F. C o r n e l i u s, Die Chronologie der Vorderen Orients im 2 Jahrtausend vor Chr., «Archiv f. Orientforschung», XVIII (1956), стр. 294 сл.

²⁰ B. L a n d s b e r g e r, Assyrische Königsliste und «Dunkles Zeitalter», JCS, VIII (1954), стр. 31 сл.

²¹ H. O t t e n, «Mitteil. d. Deutschen Orient-Gesellschaft», 1953, № 86, стр. 29, сл. (№ 29/k+530/f = Keilschr. aus Boghosk., VII и KUB, XXXI, 5).

²² Ср. BASOR, 1942, № 88, стр. 32.

²³ L. D e l a p o r t e, Les peuples de l'Orient méditerranéen, I, Le Proche-Orient asiatique, P., 1948, стр. 29 сл.

²⁴ A. G o e t z e, Alalakh and hittite Chronology, BASOR, 1957, № 146, стр. 20 сл.; о н ж е, On the Chronology of the Second Millenium B. C., JCS, XI, №№ 2 и 3, стр. 53 сл. и 63 сл.

царственных имен, по его мнению, в действительности длиннее принятого Олбрайтом, а время отдельных царствований (Хантили и Телипицу) было более долгим. Гетце полагает, что датой взятия Вавилона хеттами является 1650 год до н. э. Соответственно он отвергает построения Олбрайта в области хронологии Алалаха и Алеппо, на которых основаны выводы последнего в отношении древнейшей хронологии хеттов, считая, что Олбрайт произвольно совмещает ряд одноименных царствований и отводит для каждого царствования примерно по 20 лет в среднем, что, по мнению Гетце, слишком мало. Гетце не согласен также с тем, что события, связанные с именем Зукраши и нашедшие отражение как в клинописных памятниках Алалаха, так и в хеттской исторической традиции, относятся ко времени до Лабарны. Основная ошибка Олбрайта, по его мнению, состоит в том, что он отдает предпочтение керамическим данным перед данными письменных источников.

Не вдаваясь в детали этого спора, ведущегося с начала 40-х годов учеными, работающими в области пересмотра хронологии древнего Востока, следует все же сказать, что краткая хронология завоевывает, по-видимому, все большее число сторонников не только среди археологов, но и среди историков, т. е., говоря словами Гетце, не только среди исследователей, мыслящих «керамически» (ceramically-minded), но и мыслящих «клинописно» (tablet-minded).

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ КАССИТОВ

Родину касситских племен, наводнивших Двуречье в середине II тысячелетия до н. э. и установивших там свое долговременное политическое господство (касситская династия прекратилась лишь в середине XII в. до н. э.), искали в горах Загра, к северу от Элама, а в более позднее время²⁵ — у южных берегов Каспийского моря. При этом их имя (в передаче древневавилонских источников звучащее kaššū) связывалось с наименованием самого моря и с более поздним племенным именем *кашшю*. Имена некоторых касситских божеств (известных из клинописных источников), звучащие весьма близко к именам древнеиндийского пантеона, позволяли предполагать этнические и культурные связи касситов с североиндийскими племенами.

Исследования касситского языка и в первую очередь касситской ономастики позволили обнаружить наибольшее количество касситских имен в Ниппуре, а также в Нузи. При этом во многих случаях выявилось тесное переплетение касситских, хурритских и аккадских языковых элементов²⁶, не всегда поддающихся отчетливому разграничению. Новые данные позволяют говорить о долговременном соседстве касситских и аккадских этнических элементов и их взаимопроникновении, поскольку в древневавилонских источниках касситские имена нередко носят рабы, поселенцы или мелкие функционеры; в особенности много этих имен связано с терминологией, относящейся к коневодству. В связи с этими фактами возникает возможность по-новому рассмотреть вопрос о территории, которую занимали касситы в ранний период их истории (первые сведения о касситах относятся к концу XVII в. до н. э.) — на основании уже не гипотетических, а чисто статистических данных.

Для рассматриваемого вопроса существенный интерес представляет исследование К. Яритца²⁷. Автор причисляет касситский язык к агглютинирующим наречиям и обращает внимание на те его элементы, которые имеют определенные параллели в древнеанатолийских лингвистических данных, почерпнутых из хурритского, протохеттского и протолувийского языков. Подобные явления в касситском языке, имеющем в то же время совершенно своеобразную структуру, Яритц объясняет тем, что касситы

²⁵ Ср. A. Moorhgat, *Geschichte Vorderasiens bis zum Hellenismus*, в кн. A. Schaff и A. Moorhgat, *Ägypten und Vorderasien im Altertum*, München, 1950, стр. 332.

²⁶ К. Balkan, *Kassitenstudien, I. Die Sprache der Kassiten*, New Haven, 1954.

²⁷ К. Jaritz, *Die kassitische Sprachreste*, «Antropos», 52 (1957), 5—6, стр. 850 сл.

долгое время находились в соприкосновении с восточномалоазийскими народностями, и при этом в эпоху, предшествующую их проникновению в Двуречье. Автор полагает, что область Загра, откуда обычно выводили касситов, не являлась их родиной. Касситы были вытеснены туда из местностей, лежащих где-то значительно западнее. Близость касситских имен к древнеиндийским позволяет автору связать их происхождение с территорией Митанни, в языке которых присутствуют эти же элементы. Под нажимом Митанни касситы могли быть приведены в движение и оттеснены к юго-востоку.

РОДИНА ФИЛИСТИМЛЯН

Имя филистимлян — Pelištim Библии, Pršt египетских источников — связывается в представлении пророческой литературы (Amos., 9,7; Ierem., 47,4) с именем Кафтор — растяжимым географическим понятием, прилагавшимся авторами книг Ветхого завета к району, охватывающему о. Крит и южную часть Малой Азии вплоть до Каппадокии²⁸. Поскольку имя филистимлян, по-видимому, не может быть оторвано от имени пеласгов (Πελασγοί, Πελάσταί), в науке нередко поднимался вопрос об их эгейском и балканском происхождении²⁹. На известных изображениях филистимлян в Мединет Абу некоторые исследователи склонны угадывать «греческий антропологический тип»³⁰. Их вооружение и корабли на этих изображениях также обнаруживают определенные признаки сходства с эгейскими образцами. Имя филистимлян в египетских источниках встречается среди других «народов моря» вместе с именем данауна, которых по созвучию определяют обычно как гомеровских данайцев. Так называемая «филистимлянская керамика», находящаяся в Палестине, представляет собой в отношении форм сосудов и их росписи (преимущественно геометрического характера) известное подражание минойским и микенским образцам³¹. В свете всех этих данных теория балканско-эгейского происхождения филистимлян представляется достаточно обоснованной, вследствие чего она весьма распространена в современной научной литературе³².

Попытки несколько иной постановки вопроса о происхождении филистимлян мы находим у исследователей Малой Азии. Так, еще Б. Грозный³³ указал на то, что имя филистимлян должно быть сопоставлено не только с именем пеласгов, но и с наименованием страны Пала хеттских текстов, помещающих ее в горной местности, подвластной хеттам и управляемой наместниками из числа представителей царствующей династии.

Наиболее детальную попытку пересмотра вопроса о родине филистимлян предприняла М. Римшнейдер³⁴. Настаивая на киликийско-каппадокийском происхождении филистимлян, этот исследователь основывается в особенности на том, что имена божеств филистимлян, известные из ассирийских и библейских источников — Даган, Баал, Себуб и Марнас, — объясняются лучше всего из хеттской ономастики, при этом имя Себуб сопоставляется с именем божества жителей страны Пала — Зипарва. Наименование правителей — племенных вождей филистимлян, засвидетельствованное (во множественном числе) Библией — seranim, сопоставляется с τέρανως, в свою очередь может быть происходящим от хеттского tarawanaš. Кроме того, ассирийцы (Саргон

²⁸ A. F u r u m a r k, The Settlement at Ialysos and Aegean History, «Op. Arch.», VI (1950), стр. 239 сл.

²⁹ V. G e o r g i e v, Sur l'origine et la langue des Pélasges, des Philistins etc., «Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung», I (1950), стр. 136 сл.

³⁰ O. E i s s f e l d, RE, Hb. 38, стб. 2392.

³¹ M. E b e r t, RLV, X, стр. 75, табл. 42 b.

³² J. B é g a r d, Philistins et préhellènes, RA, 37, 1951, стр. 129 сл. Иллирийское происхождение филистимлян представляется несомненным также и для M o o r t g a t, ук. соч. (см. прим. 25), стр. 385.

³³ B. H r o z n y, Die älteste Geschichte Vorderasiens, Prag, 1943, стр. 152.

³⁴ M. R i e m s c h n e i d e r, Die Herkunft der Philister, «Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae», IV (1956), стр. 17 сл.

II) называли жителей города Ашдода, расположенного в Южной Сирии, в области, занятой в XIII — XII вв. до н. э. филистимлянами, «хеттами», очевидно, основываясь на их языковом и культурном родстве с последними. Оружие филистимлян было железным, и они владели секретом железоделательной техники, родиной которой была Малая Азия и прежде всего Каппадокия. Наконец, керамика, именуемая «филистимлянской», имеет весьма близкие параллели к керамике позднемикенских образцов из Киликии.

В свете исследования Римшнейдер следует признать вполне вероятным, что родиной филистимлян были области, расположенные к северу и северо-западу от Палестины. Возможно, территорией, откуда филистимляне проникли в XIII в. до н. э. в Южную Сирию, была Киликия, находившаяся в ту пору под сильным перекрестным хеттско-эгейским влиянием, как показывают раскопки таких пунктов, как Тарс и Мерсин³⁵. Именно там жители южных отрогов Тавра могли приобрести смешанную хеттско-эгейскую культуру, нашедшую выражение в элементах языка, в предметах вооружения, а также в сходной с микенской керамике. Южная Киликия, наконец, вполне отвечает географически библейскому представлению о стране Кафтор.

НОВЫЕ ФАСОССКИЕ НАДПИСИ

1. ФРАГМЕНТ ДЕКРЕТА О ВИНоторговле

В 1950 г. на агоре Фасоса был найден фрагмент (заключительная часть) декрета, регламентирующего торговлю вином. По палеографическим данным³⁶, надпись относится к периоду между 480 и 460 гг. до н. э. Ранее на о. Фасосе было обнаружено еще три подобных документа, относящихся к концу V — началу IV в. до н. э.³⁷. Новонайденный фрагмент гласит в переводе: «...если кто-либо из них (т. е., вероятно, из вино-торговцев или виноделов) преступит одно из этих узаконений о вине и укусе, то да будет он лишен..., да будет шестая часть (содержимого) каждой амфоры посвящена Афине Полиухос и Аполлону Пифийскому и пусть столько же получит доносчик. Пусть доносчик представит (совету) Трехсот поручительство (в случае совершения над ним) насилий. В отношении вина нельзя принимать клятвы в неведении, будь то гражданин или иноземец».

Какие именно узаконения имелись при этом в виду, известно из более поздних и уже упомянутых нами фасосских декретов о вино-торговле, в которых идет речь о запрете производить оптовую торговлю вином в неуказанное время, продавать вино в немерных и неснабженных печатями сосудах, ввозить иноземное вино на территорию фасосской Перей (т. е. на близлежащую к о. Фасосу часть фракийского побережья) и т. д.³⁸.

В. Грейс³⁹ запрещение торговать вином в немерных сосудах ставит в связь с аттическим декретом об установлении единых мер и весов⁴⁰, относящимся к середине V в. до н. э. Интересно отметить, что в 1947 г. на о. Фасосе в районе гавани был найден обломок надписи с указанием узаконенных мер для сосудов (τὸν ἀγγέων μέτρον), относимой издателем⁴¹ к концу V — началу IV в. до н. э.

³⁵ S. Lloyd, *Early Anatolia*, Harmondsworth, 1956, стр. 42 и 44; H. Goldman, *Excavations at Gözlü Kule, Tarsus*, 1950; J. Garstang, *Prehistoric Mersin*, Oxf., 1952.

³⁶ J. Pouilloux, *Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos*, I, P., 1954, стр. 37 сл.

³⁷ Ch. Picard, *BCH*, XLV (1921), стр. 146 сл.; G. Daux, *BCH*, LI (1926), стр. 214 сл.; он же, *BCH*, LII (1928), стр. 65.

³⁸ Ср. близкие этому узаконения в декрете о налогах на предметы производства и торговли с о. Коса, *Syll*³, № 1000.

³⁹ V. Gase, *Early Thasian Stamped Amphoras*, *AJA*, L(1946), № 1, стр. 31 сл.

⁴⁰ *IG*, XII, *Suppl.*, 1939, стр. 215 сл.

⁴¹ M. Lang, *BCH*, LXXVI (1952), стр. 18 сл.

При этом следует принять во внимание, что издатели и толкователи II фасосского декрета о виноторговле под снабженными печатями сосудами (в тексте декрета ἐμπιθούς) понимали пифосы с привязанными к их крышкам табличками-печатами, вроде засвидетельствованных археологически микенских табличек-печатей⁴². Между тем под пифосом в фасосском декрете могли подразумеваться не те сосуды, которые мы связываем с этим наименованием, а те, которые мы именуем амфорами (к последним прилагались в древности различные наименования, например στάμνος). Поэтому нельзя не согласиться с мнением Ж. Пуйу (ук. соч., стр. 131), что речь идет именно о снабженных клеймами фасосских остродонных амфорах, широко известных в археологии.

В. Грейс (в названной выше работе), не высказывая определенного мнения о связи фасосских декретов о виноторговле с клеймением амфор, относит начало этого клеймения именно ко времени издания на Фасосе названных декретов. Думается, что находка нового фрагмента подобного же декрета, но относящегося к гораздо более раннему времени, должна заставить пересмотреть начальную дату клеймения фасосских амфор.

В свете всех указанных фасосских эпиграфических свидетельств о виноторговле последняя предстает перед нами как отрасль хозяйства, весьма строго контролируемая и регламентируемая государством. В III декрете упоминаются *χαρτολόγοι* — чиновники, в обязанность которых входили государственные закупки вина, а также, может быть, наблюдение за сбором пошлин и борьба с нарушителями законов о виноторговле. Они должны быть сопоставлены с *σιτολόγοι* и *ἐλαίωνης*, выполнявшими в различных греческих городах подобные функции в отношении зерна и оливкового масла, торговля которыми или представляла государственную монополию, или строго контролировалась государством.

Весьма вероятно, что и на о. Фасосе, по крайней мере какое-то время, виноторговля (а также и производство необходимой для торговли вином глиняной мерной посуды — снабженных клеймами амфор) находилась в руках государства. Об этом свидетельствуют фасосские монеты IV в. до н. э. с изображением винной амфоры и виноградной грозди, а также наличие этникона в легендах амфорных клейм, значение которого, очевидно, соответствует этникону на монетах. Существование на Фасосе специальных управителей керамических мастерских (*κεραμάρχαι*) объясняется, скорее всего, государственной принадлежностью керамического эргастерия.

Фасосские декреты о виноторговле следует рассматривать как свидетельство значительной хозяйственной активности (прежде всего в целях увеличения государственных доходов) фасосской общины, в особенности в IV в. до н. э. Представляет значительный интерес сопоставление этих декретов с аттическими декретами о торговле зерном⁴³, а также с данными о подобной политике других греческих полисов и эллинистических государств, содержащимися в псевдоаристотелевой «Экономике» и папирологических документах⁴⁴.

2. ДВА ДЕКРЕТА О БОРЬБЕ С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ЗАГОВОРАМИ

Оба эти декрета, высеченные на одном камне, найденном в 1949 г. на агоре Фасоса датируются издателем⁴⁵ от 415 до 400 г. до н. э., точнее же связываются с событиями, 411/410 г., приведшими сначала к падению (стараниями афинского стратега Дийетрефа, — *Thucyd.*, VIII, 64), а затем к восстановлению стратегом Трасибулом (*Diod.*, XIII, 72, 1) демократии на о. Фасосе. Установление олигархии способствовало усилению спартанской партии на Фасосе, но при этом колония Фасоса в Перее — Неаполис

⁴² D a u x, ук. соч. (см. прим. 37), стр. 214; ср. E. Z i e b a r t h, Beiträge zur Geschichte des Seeraubes und Seehandels im alten Griechenland, Hamburg, 1929, стр. 75 сл.

⁴³ Z i e b a r t h, ук. соч., стр. 48 сл.

⁴⁴ Hib. Pap., I, 42; Pap. Kair. Zen., № 59012 и др.

⁴⁵ P o u i l l o u x, ук. соч. (см. прим. 36), стр. 139 сл. (№ 18).

в течение периода олигархического правления сохраняла верность Афинам и была осаждена фасосцами под руководством спартанского гармоста Этеоника. К числу известных уже эпиграфических документов, связанных с этими событиями (IG, XII, 5, 109; 8, 262, 263, 276), относятся и новые декреты, в более или менее стереотипной форме объявляющие награду доносчику на политических заговорщиков и обещающие ему, в том случае, если он является рабом, также и свободу. Разница между обоими декретами состоит в том, что в первом случае имеются в виду заговорщики против существующего режима на самом Фасосе и доносчику обещана награда в 1000 статеров, во втором же декрете имеются в виду политические противники в фасосских колониях (*ἐν ταῖς ἀποικίαις*) и награда доносчику ниже — 200 или 400 статеров, в зависимости от степени серьезности заговора.

Распространенность в античной Греции подобного способа борьбы с политическими заговорами подтверждается прежде всего близким по содержанию и по времени декретом из Абдеры, найденным в 1937 г.⁴⁶ и другими аналогичными документами⁴⁷. Издатель фасосских декретов толкует их таким образом, что первый из них был издан в конце 411 г., после олигархического переворота (поскольку в нем идет речь о совете 300 как о правящем органе) и направлен против сторонников демократии, афинских приверженцев. Второй декрет был издан также во время олигархического правления, но уже в начале 410 г., когда стратег Трасибул с афинским флотом появился на Геллеспонте и когда у фасосских колоний в Перее, сочувствовавших победоносно сопротивляющемуся Неаполису, могло появиться желание и удобный повод для отложения от Фасоса.

Олигархический характер обоих декретов издатель их усматривает также и в том, что рабам-доносчикам обещается лишь награда и свобода, тогда как в декрете из Илиона (см. выше) в аналогичном случае для раба предусматривается также пожалование гражданских прав.

ДИОФАНТ ИЗ СФЕТТА (НОВЫЕ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)

На одном из новых фрагментов документов афинских полетов о сдаче в аренду участков лаврийских рудников, найденных при раскопках афинской агоры⁴⁸, читается имя Диофанта, сына Трасимеда из Сфетта, предполагаемого внука известного афинского политического деятеля Диофанта Сфеттийца (*Σφρττιος*, Ps. Demosthen., XXXV, 6; Demosth., XIX, 297; XX, 137). Диофант, сын Трасимеда, фигурирующий также еще в одной из аттических надписей конца IV в. до н. э. (CIA, II, 787), был, таким образом, горнорудным предпринимателем. Как показывают просопографические данные, почерпнутые из опубликованных ранее *βροι*⁴⁹, это занятие нередко переходило по наследству.

Имея, следовательно, некоторые основания от внука заключать к деду, напомним, что Диофант сфеттиец был автором проекта декрета о принесении благодарственной жертвы богам за удержание афинянами войска Филиппа македонского у Фермопил в 352 г. до н. э. (Demosth., XIX, 84, 86). Схолии к Эсхину (III, 24) сообщают, что по предложению Диофанта были разделены между гражданами все денежные суммы из финансовых излишков, предназначавшихся в фонд теорикона, что характеризует его как последователя и единомышленника Эмбула и крайнего демагога.

Наконец, Аристотель в Политике (II, 4, 12, сл.) вслед за характеристикой уравнивательных проектов Фалеса, предусматривавших уравнивание размеров земельных вла-

⁴⁶ BCH, LXVI — LXVII (1942—1943), стр. 189, № 3.

⁴⁷ IG, II, XXVII, стр. 25 (декрет против тирании из Илиона).

⁴⁸ M. C r o s b y, More Fragments of Mining Leases from the Athenian Agora, «Hesperia», XXVI (1957), № 1, стр. 1 сл.

⁴⁹ M. C r o s b y, The Leases of the Laureion Mines, «Hesperia», XIX (1950), стр. 189 сл.; R. J. Н o r p e r, The Attic Silver Mines in the Fourth Century, ABSA, XLVIII (1953), стр. 200 сл.

дений и осуществление всей промышленной деятельности трудом государственных рабов, замечает, что подобную меру, реализованную в Эпидамне, хотел в Афинах провести Диофант.⁵⁰

К сожалению, какие-либо подробности осуществления этой попытки в Афинах неизвестны, что же касается Эпидамны, то не только производство, но и торговля этого полиса с местным окружающим населением была сосредоточена в руках государства и производилась через специальных чиновников — полетов (Arist., Polit., III, 11; IV, 33; V, 1, 3; ср. Plut., Quaest. Gr., 29). В этих установлениях следует видеть крайние формы той политики монополизации производства и торговли, тенденции которой прослеживаются по некоторым данным о торговле хлебом, оливковым маслом и вином, и о производстве этих продуктов в греческих полисах, в особенности в эпоху эллинизма⁵⁰. Весьма любопытно, что если не сам автор этих проектов, то его близкий родственник, вероятно, не без влияния деда начинавший общественную карьеру, являлся крупным промышленным предпринимателем-рабовладельцем.

ДАТА ОПУБЛИКОВАНИЯ «ЗАПИСОК О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ» ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

Вопрос о выходе в свет «Комментариев» Цезаря осложняется разноречивыми сообщениями его современников. Так, Гирций (Praef., VIII, 2) удостоверяет, что им были произведены дополнения и взаимоувязки разновременных «Записок» Цезаря. Из сообщения Цицерона (Brut., 262) может быть выведено заключение об одновременном выпуске Цезарем его «Комментариев». Кроме того, представляется несомненным наличие более поздних и соответственно окрашенных политически интерполяций в тексте «Записок»⁵¹, а также неоднократных искажений Цезарем, опять-таки в угоду политической тенденции, исторических фактов⁵².

На факте одновременного опубликования «Записок» в 52/51 г. до н. э. как произведения, направленного против помпеянской партии, настаивал еще Моммзен, и эта точка зрения находит сторонников и поныне. Однако с другой стороны, сочинение Цезаря или, вернее, какая-то его часть, могло быть тем официальным политическим документом, на основании которого сенат еще в сентябре 57 г. до н. э. апробировал деятельность Цезаря в Галлии и объявил *supplicatio quindecim dierum*. Повторение подобного акта имело место в 55/54 г., когда Цезарь возвратился из первой британской экспедиции и когда была назначена двадцатидневная *supplicatio* (BG, II, 35, 4; IV, 38,5). Текст Цезаря подчеркивает, что в обоих случаях *supplicatio* назначалась *ex litteris Caesaris*.

В пользу постепенности выпуска «Записок» свидетельствует также помещенное в конце второй их книги (BG, II, 35,1) заявление автора об окончательном покорении Галлии (*his rebus gestis omni Gallia pacata*). Видимо, вторая книга была когда-то концом «Записок», которые впоследствии были продолжены.

Все эти факты противоречат теории одновременного выхода «Записок» Цезаря в свет, противоречат они, впрочем, и традиции, в силу которой Цезарь ежегодно публиковал часть своих «Записок»⁵³. Балсдон (ук. соч.) полагает, в частности, что «Записки», трактующие о войне в Галлии, могли быть опубликованы в два приема: книги

⁵⁰ Ср. F. Heichelheim, *Wirtschaftsgeschichte des Altertums*, Leiden, I, 1938, стр. 579 сл.

⁵¹ G. Jachmann, *Caesartext und Caesarinterpolation*, «Rh. Mus.», 89 (1940), стр. 161 сл.; H. Hagendal, *Innehåller Caesartexten i de bello Gallico framände in slag*, «Eranos», 47 (1949), стр. 72 сл.

⁵² J. P. Balsdon, *The Veracity of Caesar*, «Greece and Rome», IV (1957), № 1, стр. 19 сл.

⁵³ Th. Hastrop, *On the Date of Caesar's Commentaries of the Gallic war*, «Classica et Mediaevalia», XVIII (1957), 1-2, стр. 59 сл.

I и II осенью 57 г. до н. э., а книга VII осенью 52 г. С подобным предположением согласуется приведенное выше замечание Гирдия о неполноте цезаревых «Записок».

Однако принимая во внимание наличие свидетельств современников Цезаря, характеризующих его сочинение в целом (Cicero, De prov. cons., 19), следует все же полагать, что «Записки» появились в более полном виде еще при его жизни.

СЕВЕРОЧЕРНОМОРСКОЕ ЖЕНСКОЕ БОЖЕСТВО В РИМЕ

Публикуя обломки мраморного рельефного фриза, происходящие из раскопок храма «божественного Юлия» — мемориального сооружения на римском форуме, предпринятого Августом в 42 г. и освященного в 29 г. до н. э., — М. Флориани Скварчиапино⁵⁴ предлагает графическую реконструкцию этого фриза и указывает некоторые его аналогии в эллинистическом искусстве Малой Азии.

Как видно из изображений на публикуемых обломках, а в особенности наглядно из графической реконструкции, фриз этот состоит из парной композиции обращенных друг к другу в пологорота крылатых женских фигур в длинных хитонах, у которых вместо ног из-под платья выходят, закружляясь и поднимаясь на высоту роста самой фигуры, змееобразные растительные побеги с листьями и цветами. Одна рука крылатого существа опущена вниз и поддерживает хитон, другая же поднята на высоту головы и поддерживает бутон цветка на конце растительного побега, заменяющего ему ногу. Между двумя фигурами помещена третья такая же женская фигура, но вдвое меньшего размера, поставленная en face с распростертыми в стороны руками. По сторонам больших фигур находятся маски сатириобразных персонажей дионисийского круга, судя по их облику и по тиреобразным навершиям над ними.

Элементы этого фриза, хотя и не совсем обычны, но все же не столь редки в римской архитектурной орнаментике. Крылатые женские фигуры с змееобразно-растительными придатками вместо ног, присутствуют среди рельефных украшений ограды сада в вилле Фарнезе, на фризе антаблемента в Сен-Реми, а также на кампанских терракотовых акротериях⁵⁵. Однако перечисленные изображения относятся в большинстве своем к эпохе империи, т. е. ко времени более позднему, чем фриз храма Юлия, и таким образом не говорят о происхождении подобных явлений в римском декоративном искусстве. Более существенны проводимые автором публикации аналогии с хронологически и стилистически близкими (хотя все-таки несколько более поздними) рельефными изображениями крылатых фигур на ага Расис в Риме и, в особенности, — с более ранними рельефными изображениями из Малой Азии (на архитектурных деталях храма Артемиды Лейкофриены в Магнезии и на капителях милетского Дидимейона).

Однако наиболее древние из известных нам изображений подобных фигур происходят из причерноморской Скифии, где традиция, переданная Геродотом (IV, 9), связывает их с представлением о местном змееном хтоническом божестве — Ехидне, с которой сочетался браком пришедший в Скифию Геракл.

Из этих изображений, довольно широко распространенных в скифо-сарматском искусстве, а также в искусстве местного населения причерноморских греческих городов, прежде всего можно упомянуть женскую фигуру со змееобразными придатками вместо ног на фрагментированном каменном рельефе эллинистического времени из Херсонеса. Эта фигура, хотя и лишена крыльев, расположена между крылатыми грифонами, представленными в геральдической позе⁵⁶.

Но еще более характерны изображения на раннеэллинистических золотых бляшках из скифских курганов, представляющих различные варианты подобных змееногих

⁵⁴ M. Floriani Squarciapino, Il Fregio del Tempio del divo Giulio, «Atti d. Acc. Naz. d. Lincei». Rend., XII (1957), 5-6, стр. 270 сл.

⁵⁵ S. Reinach, Répertoire des Reliefs, I, 1909, стр. 386, № 5; II, 1912, стр. 270, № 3; III, 1912, стр. 336, №№ 2 и 5.

⁵⁶ Д. Б. Шелов, К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Сев. Причерноморье, КСИИМК, XXXIV (1950), стр. 62, рис. 6.

женских фигур. На одном из них крылья и ноги фигуры заканчиваются головами грифонов, а в левой руке она держит сатириобразную маску⁵⁷. Это последнее изображение содержит, хотя и в несколько ином сочетании, все основные элементы фриза на храме «божественного Юлия» в Риме.

Остается предстать себе, какие обстоятельства побудили художника, создавшего рельефы фриза храма Юлия, обратиться к подобному сюжету. Вероятнее всего, их надо искать в стремлении увековечить военную славу Цезаря и, в частности, малоазийский победоносный поход 47 г. до н. э. против понтийского царя Фарнака, являвшегося также царем северочерноморского Боспора. Именно в этих событиях, о которых Цезарь сообщил римскому сенату своим знаменитым *veni, vidi, vici*, и следует, вероятно, усматривать причину того, что на фризе храма, возведенного в его память, появились изображения скифского божества, уже и ранее известного искусству малоазийских греков, но как будто бы до этого совершенно не известного в Риме.

К НАХОДКЕ ФРАГМЕНТОВ СКУЛЬПТУРНОЙ ГРУППЫ ЛАОКООНА

В конце прошлого года в прессе появились сенсационные сообщения о находке нового варианта группы Лаокоона, хранящейся в Ватиканском музее, — одного из наиболее известных произведений эллинистической пластики.

Сведения, которые мы заимствуем из «Illustrated London News» (26 октября 1957 г., № 6177), сводятся к тому, что при раскопках в так называемом «гроте Тиберия» в Сперлонге, на западноиталийском побережье между Гаэтой и Террачинной (древняя Таррацина), исследованиями под руководством Джулио Якопи было обнаружено более 1200 фрагментов мраморных скульптур, среди которых имеются торсы, головы и другие части человеческого тела. Вместе с этими обломками скульптур найдена (также во фрагментированном состоянии) греческая надпись, читающаяся в переводе: «Атанодорос (сын) Александра, Аге[са]ндрос (сын) [Фа]нии и [Поли]дорос (сын) [(Полид)ороса]». Эти же имена упомянуты у Плиния (NH, XXXVI, 1, 4, 24) в качестве имен родосских художников — авторов скульптурной группы Лаокоона, исполненной ими из одного куска мрамора и помещенной во дворце императора Тита. Копия, как полагали, этой самой группы, относящейся к I в. до н. э., была найдена в Риме близ Эсквилина в 1506 г. Известна также помпейская фреска, использовавшая этот же сюжет, ставший, кроме того, предметом нескольких более древних вазовых изображений.

Разумеется, названные у Плиния и в найденной в гроте Сперлонги надписи скульпторы могли быть авторами также и каких-либо других произведений, обломки которого (или которых) найдены в том же гроте. Мраморная бородастая голова в коническом головном уборе с полуоткрытым ртом и патетическим выражением лица является, по мнению Якопи, головой Одиссея из какой-либо скульптурной группы, изображавшей сцену на тему об осаде Трои. Но она же могла бы быть и головой Лаокоона, несколько, впрочем, отличной от головы этого персонажа в ватиканской группе. Присутствие среди найденных обломков юношеских фигур и обломков тела змеи позволяет предполагать, что в гроте была именно группа Лаокоона, хотя и отличная от ватиканской, поскольку найденные фрагменты точно с нею не идентифицируются. В этом случае ватиканская группа принадлежит какому-либо другому мастеру. Среди обломков имеются также фрагменты других статуй, в том числе обломки ног и рук некоей колоссальной фигуры.

Как полагает руководитель раскопок, грот в Сперлонге был средоточием скульптур, иллюстрировавших историю троянской войны. Дальнейшие исследования внесут, вероятно, большую ясность в смысл этой находки, приобретающей весьма существенное значение для истории эллинистической пластики.

Л. Е.

⁵⁷ Шелов, ук. соч., стр. 62, рис. 4.